

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

СИМВОЛ КАК КОД ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Аннотация. Лингвисты обсуждают проблему единого языка, на котором могли бы общаться представители всего человечества. Многим кажется, что таким средством универсального общения мог бы стать наиболее распространённый в наши дни язык, возможно английский или какой-то другой. Всеобщее разочарование вызвали попытки создать некий искусственный язык. Между тем всё чаще в среде учёных крепнет убеждение, что для вселенского общения годится язык символов. Он уже сегодня является паролем для политиков, деятелей искусства, рекламы и бизнеса. В материале обсуждается вопрос о возможности символического кода, прозрачного для всего человечества.

В статье анализируются достижения современной философии культуры. Автор опирается также на исследования в области эстетики, вводит в контекст анализа теорию коммуникации.

Впервые в социальной философии рассматривается вопрос о возможности единого кода символов для универсального общения в процессе глобального переустройства мира. Практически создание такого языка уже происходит. Огромные массивы людей вступили в бестелесные воображаемые миры, где царствует символ. Однако символы несут на себе печать национальной культуры, в том числе и видов письма. В этих условиях выработка универсального символического кода становится темой, требующей напряжённой философской рефлексии.

Ключевые слова: символ, язык, глобалистика, письмо, цивилизационные различия, культура, менталитет, мультимедийность, политика, коммуникация.

Review. Language experts are now discussing whether it is possible to invent a universal language for all nations. Many of them believe that one of the today's widely spoken languages like English or other language could become such a mean of universal communication. There have been attempts to create a universal 'artificial' language but none of these has been a success. Meanwhile, scientists are growing more and more confident that the language of symbols would be just right for the universal communication. It is already the code and set of passwords for politicians, people of art, advertising and business representatives. In this article Gurevich discusses the opportunity of creating the symbolic code that would be clear and understandable for all the humans. Gurevich analyzes the achievements of contemporary philosophy of culture. The author also bases his article on aesthetic researches and introduces the theory of communication for the purposes of the analysis. For the first time in social philosophy the author raises the question about creating a unified code of symbols for the universal communication in the process of global reconstruction of the world. In fact, such a language is already being created. Enormous numbers of people have entered the visionary worlds where symbol reigns. However, symbols do not have the features of national culture such as writing and alphabet. Taking this into account, it is necessary to admit that creation of a universal symbolic code is the topic that requires intense philosophical analysis.

Keywords: symbol, language, global studies, writing, civilizational differences, culture, mentality, multimedia, politics, communication.

Язык сам по себе связан с иероглифами. Он поэтому не чужд процессу символизации. В. Гумбольдт писал: «Языки – это иероглифы, в которые человек заключает мир и своё воображение; при том, что мир и воображение, постоянно создающее картину за

картиной по законам подобию, остаются в целом неизменными, языки сами собой развиваются, усложняются, расширяются. Через разнообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаём в нём...» [1, с. 349]. По мнению немецкого философа, изучение

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 14-03-00350
«Культура как кризис – неудача или возможность?».

языков мира – это также всемирная история мыслей и чувств человечества.

«Символ можно рассматривать как обобщение, идеальную конструкцию вещи, в отличие от абстрактного понятия. Он обладает образной структурой, является не до конца выявленным, прочитанным знаком. Символ создает перспективу для бесконечного развертывания мысли. Он не может быть полностью разгадан – это всегда бесконечный процесс, который раскрывается обществу в истории и каждому человеку в его жизни. Чем полнее политическая жизнь, тем глубже проникновение в содержание смыслов» [2, с. 20].

Интернет несёт сегодня особый аспект мультимедийности и интерактивности. Однако поиск универсального языка глобалистики наталкивается на имеющиеся в мире виды письма. Человечество имеет иероглифы, линейное арабское письмо, латиницу и кириллицу. И тут выясняется, что Азии гораздо легче проникнуть в Европу, чем Европе в Азию. «В этом смысле в коммуникации простых европейцев, арабов и китайцев много неудобств, особенно у европейцев. Им непривычна графика алфавитов восточных стран. А это лишает желания искать точки соприкосновения, поскольку визуально европеец попадает в тревожащую его непривычную среду» [3, с. 501].

Не погружается ли мы человечество в ситуацию «управляемого хаоса»? «Футуристические кибервойны, безлюдные технологии вместо фордовского конвейера в одном историческом времени уживаются с варваризацией и мракобесием на задворках «цивилизованного мира». В мечетях лондонского Ист-Сайда публичные проповеди против неверных и набор волонтеров «джихада» в Сирии. «Мятеж-войны» и снос светских режимов на всем арабском Востоке разжигают и финансируют транснациональные компании и аравийские шейхи» [4, с. 2].

Природа современных конфликтов между странами, войн или мятежей в «горячих точках» (Ближний Восток, Афганистан, Сирия, Южно-Корейское море) действительно сегодня иная, чем в минувшем столетии. При таком агрессивном языковом разнообразии нетрудно заметить тягу к символическому шифру. Это особенно отчетливо прослеживается в политической практике. Разумеется, политики всегда опирались на язык иносказания и шифров. Государственные гербы, державные жезлы воспринимались не просто как предмет особой власти, но и как её символическое выражение. «В наши дни пространство политизации расширяет свои пределы. Значительного размаха достигают информаци-

онные войны. Это не может не отразиться на политическом языке. Он ищет новые средства общения с массами. А современная коммуникация вообще немислима без символа» [2, с. 22].

И снова в этом контексте возникает неожиданный геополитический аспект. Интернет с его неизбежной тягой к «картинке» проявляет огромный интерес к иероглифике. Это связано также с возрастающей ролью Китая в международной жизни. «Китайская книга книг «Канон перемен» – предшественница двоичного кода всех компьютерных программ, а иероглифика – претендент на роль языка международного общения в Интернете. Сегодня картинки побеждают слова. Мы живём в визуальном мире, и древняя культура иероглифических изображений обретает в нём вторую молодость. Поэтому синология становится универсальной наукой о прошлом и будущем человечества, о диалоге цивилизаций и судьбе России» [5, с. 9].

Не случится ли так, что на статус универсального общения будет претендовать та культура, которая представит наиболее совершенный код символики? Тогда речь пойдёт не столько о совершенствовании общечеловеческой коммуникации, сколько о машинных ресурсах завоевания мира. Ежедневно, к примеру, регистрируется более трёх тысяч кибератак на веб-ресурсы правительства страны и компаний ФРГ. Это настоящая война компьютеров и приходится думать о том, кто победит в виртуальных сражениях грядущего века.

Глобализация позволила сблизить континенты и цивилизации. Но при этом выявились и огромные цивилизационные различия. Ни язык, ни символ, ни знак не являются самостоятельными арсеналами цивилизации. В них обобщён огромный духовный опыт человечества. Сближение цивилизаций оказалось непростым процессом.

250 лет назад на земли, которые принадлежат нынче США, высадились европейские колонизаторы. На территории в то время разгуливали бизоны и жили индейцы. Европейцы загнали аборигенов в резервации, поскольку считали их не цивилизованными людьми, а дикарями. Они были убеждены в том, что на свете немало народов, которых не коснулась цивилизация. Для прибывших поселенцев индейцы оказывались конкурентами в борьбе за новые земли. Церковь считала аборигенов людьми, которые почему-то сбились с истинного пути и нуждаются в христианской вере. Многочисленные индейские войны привели к созданию новых резерваций и насильственному переселению в них

племен. По коллективным сообществам разных этносов был нанесён мощный удар. Позже, спустя десятилетия, американцы заговорили об «индейском возрождении». Однако целые поколения индейцев не смогли заново привыкнуть к жизни в резервации или обосноваться в новом обществе. Таковы издержки соприкосновения цивилизаций.

Спор цивилизаций, давних и современных, отсталых и развитых – давняя тема социальной философии.

Опыт истории показывает, что другие культуры никогда не стремились ни к универсальности, ни к различию. Они не пытались, к примеру, «китаизировать» весь мир или, напротив, добиться ещё большего отличия от остального мира. Ж. Бодрийяр подчёркивает: тот, кто является властелином универсальных символов отличия и различия, тот оказывается и властелином мира. Тот, кто не включается в игру различий, должен быть уничтожен. Так произошло с американскими индейцами, когда на их землю стали высаживаться испанцы. Истребление индейцев не обусловлено ни религиозными, ни экономическими мотивами. «Другой» в своём радикальном проявлении невыносим. Индейцы обнаружили глубокую религиозность. Это и заставило западных пришельцев устыдиться осквернения своих собственных ценностей.

«Алакалуфы с Огненной земли были уничтожены, так и не попытавшись ни понять белых людей, – отмечает Ж. Бодрийяр, – ни поговорить, ни поторговать с ними. Они называли себя словом «люди» и знать не знали никаких других. Белые в их глазах даже не несли в себе различия: они были просто непонятны. Ни богатство белых, ни их ошеломляющая техника не производят никакого впечатления на аборигенов: за три века общения они не восприняли для себя ничего из этой техники. Они продолжают грести в своих челноках. Белые казнят, убивают их, но они принимают смерть так, как если бы не жили вовсе. Они вымирают, ни на йоту не поступившись своим отличием» [6, с. 198].

Историки, изучая конкретные эпохи и культуры, пришли сначала к выводу о разных ментальных навыках, присущих народам. Однако при этом никто не оспаривал непреложность и единство разума как уникального достояния людей. Теперь же, толкуя о том, что европейцу вообще трудно понять разумность, скажем, японцев. Это не просто другой менталитет, но даже источник умственных операций иной, не тот, что вызвал к жизни европейскую цивилизацию. Нельзя считать универсаль-

ной также европейскую либеральную концепцию правового общества. Государственный деспотизм на Востоке не рассматривается как обнаружение варварства. Он органично совмещается, к примеру, с идеями кастовости, реинкарнации, успешности общественного развития. Присущее Западу пренебрежение к традициям, утрату религиозности и господство светскости, европейский экспансионизм, напротив, на Востоке считают варварством. Это не просто другой менталитет, но даже источник умственных операций иной, не тот, что вызвал к жизни европейскую цивилизацию. К.-Г. Юнг в своё время отмечал, что туземцы считают американцев глупыми, поскольку те говорят, будто мыслят головой. На самом деле аборигены утверждали, что мысль рождается в сердце. В те годы это считалось этнографической подробностью, не более.

«Если мы работаем в пределах – по большому счёту – одного типа связности (в пределах, как я его называю, одного макрокультурного времени, – отмечает А.В. Смирнов, – то есть если мы занимаемся греческой культурой или средневековой западной культурой, мы можем в принципе не обращать на это внимания, потому что наша интуиция смысловой логики, то есть логики, определяющей, как должны быть связываемы разные значения, в целом срабатывает. Но если мы работаем с другой культурой, например, с арабской, эта интуиция не будет срабатывать...» [7, с. 300].

Можно полагать, что в данном случае проводится различие между разумом и сознанием. Сознание оказывается в этой системе координат не единственной возможностью постижения реальности. Разум как общее понятие обладает множеством средств, позволяющих осмысливать и осваивать окружающую действительность.

Нет оснований оспаривать эти достижения европейской цивилизации. Но действительно ли они универсальны? Современные исследования свидетельствуют о том, что на Востоке вызревали иные представления о рациональности и разумности. Человеческий разум – неоспоримое достояние человечества – подвергается в наши дни суровой феноменологической проверке. Многие исследователи продолжают размышлять об удивительной человеческой способности постигать сущность вещей, улавливать смыслы, создавать рациональную картину мира.

Л. Витгенштейн приходит к выводу, что на практике не существует универсального языка, а обнаруживает себя только дифференцированное множество относительно самостоятельных линг-

вистических миров. Каждый из них подпитывается собственным лингвистическим казусом, регулируется и поддерживается собственной операционной логикой. Чтобы прояснить и мысленно представить специфическое функционирование каждого из этих лингвистических миров, Витгенштейн выбирает игру как базовую метафору. Поскольку игра – собственный мир с его собственными правилами и его собственной логической схемой, таким же образом следует представлять каждый из относительно самостоятельных лингвистических миров.

Такой языковой мир – собственный мир и определенная рациональность такого языкового мира – языковая игра. Но именно человек как лингвистически действующий субъект в актах ежедневной речи осуществляет идеации между, с одной стороны,

языком как эмпирически трансцендентальным, порождающим основание и мир, и, с другой стороны, различными языковыми играми как регулируемые формами лингвистического казуса и различными мирами жизненного опыта, как функционально дифференцированными парциальными системами. В этом медиативном процессе язык становится инструментом, которым пользоваться учатся на практике.

Сегодня речь идет о поиске универсальной истории, универсального сознания. В условиях глобализма язык, символ, культура в целом обеспечивают схождение всех культур в единое планетарное пространство. В то же время обнаруживаются серьезные противоречия этого процесса, связанные с крахом мультикультурализма, поиском культурных различий и концепции универсализма.

Список литературы:

1. Гумбольдт Вильгельм фон. Язык и философия культуры / Сост., общ. ред. и вступ. статьи А.В. Гулыш, Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1985. 451 с.
2. Спирина Э.М. Символ и политика // Вестник аналитики. 2014. № 3(57). С. 19-27.
3. Дятлов А.А. Интернет как средство сближения людей и диалога культур // Диалог культур в условиях глобализации. XI Международные Лихачевские научные чтения 12-13 мая 2011 г. Т. 1. Доклады. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2011. 592 с. С. 499-501.
4. Лужков Юрий. «Желтый дракон» готовится к прыжку на север... // Аргументы недели. 2014. № 49. С. 2.
5. Кобзев Артём. Великий китайский путь // Литературная газета. 2011. № 34. С. 9.
6. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Пер. с фр. Л. Любарской и Е. Марковской. 2-ое изд. М.: Добросвет: Изд-во «КДУ», 2006. 257 с.
7. Смирнов А.В. Философия и вызовы XXI века // История философии: вызовы XXI века / Отв. ред. Н.В. Мотрошилова. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 368 с.
8. Бьюкенен Патрик Дж. Смерть Запада / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ, 2007. 444 с.
9. Вопрос национальной идентичности в контексте глобализации: сборник научных статей / Отв. ред. А.Н. Чумаков. М.: Проспект, 2014. 144 с.
10. Россия в архитектуре глобального мира. Цивилизационное измерение / Отв. ред. А.В. Смирнов. М.: Языки славянской культуры, 2015. 520 с.
11. Спирина Э.М. Символическая коммуникация в эпоху глобализма // Трансформация культуры в глобальном информационном обществе: сборник научных статей / Отв. ред. А.В. Костина. М.: Изд-во МосГУ, 2009. 496 с. С. 196-208.

References (transliteration):

1. Gumbol'dt Vil'gel'm fon. Yazyk i filosofiya kul'tury / Sost., obshch. red. i vstup. stat'i A.V. Gulysh, G.V. Ramishvili. M.: Progress, 1985. 451 s.
2. Spirova E.M. Simvol i politika // Vestnik analitiki. 2014. № 3(57). S. 19-27.
3. Dyatlov A.A. Internet kak sredstvo sblizheniya lyudei i dialoga kul'tur // Dialog kul'tur v usloviyakh globalizatsii. XI Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya 12-13 maya 2011 g. T. 1. Doklady. SPb.: Izd-vo SPbGUP, 2011. 592 s. S. 499-501.
4. Luzhkov Yurii. «Zheltyi drakon» gotovitsya k pryzhku na sever... // Argumenty nedeli. 2014. № 49. S. 2.
5. Kobzev Artem. Velikii kitaiskii put' // Literaturnaya gazeta. 2011. № 34. S. 9.
6. Bodriiyar Zh. Prozhrachnost' zla / Per. s fr. L. Lyubarskoi i E. Markovskoi. 2-oe izd. M.: Dobrosvet: Izd-vo «KDU», 2006. 257 s.
7. Smirnov A.V. Filosofiya i vyzovy XXI veka // Istoriya filosofii: vyzovy XXI veka / Otв. red. N.V. Motroshilova. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2014. 368 s.
8. B'yukenen Patrik Dzh. Smert' Zapada / Per. s angl. A. Bashkirova. M.: AST, 2007. 444 s.
9. Vopros natsional'noi identichnosti v kontekste globalizatsii: sbornik nauchnykh statei / Otв. red. A.N. Chumakov. M.: Prospekt, 2014. 144 s.
10. Rossiya v arkhitekture global'nogo mira. Tsivilizatsionnoe izmerenie / Otв. red. A.V. Smirnov. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015. 520 s.
11. Spirova E.M. Simvolicheskaya kommunikatsiya v epokhu globalizma // Transformatsiya kul'tury v global'nom informatsionnom obshchestve: sbornik nauchnykh statei / Otв. red. A.V. Kostina. M.: Izd-vo MosGU, 2009. 496 s. S. 196-208.